

Представляя рубрику

Задумывая выпуск журнала на данную тему, мы ставили цель наметить перспективу превращения Дальнего Востока в объект широких сравнительных исследований. Местными историками, экономистами и политологами приложено немало усилий к обоснованию особой роли и значимости этого региона для России. Куда меньше внимания уделено сопоставлению истории Дальнего Востока, а также прошлой и современной дальневосточной политики Москвы с другими типологически схожими случаями.

Преодоление этого разрыва, как нам представляется, выступает главной задачей для дальневосточных учёных-гуманитариев в среднесрочной перспективе. Тем более что эмпирического материала накоплено уже вполне достаточно для того, чтобы количество начало переходить в качество и история Дальнего Востока стала частью «большой» истории, внося свой вклад в понимание общих проблем как региональной политики России, так и освоения государствами периферийных территорий по всему миру. Именно на этом направлении реально появление новых теоретических интерпретаций, а также точек соприкосновения и долговременных общих интересов с широким кругом исследователей в нашей стране и за рубежом.

Рубрика показывает три перспективных пути к решению сформулированной выше задачи.

Во-первых, это сравнение Дальнего Востока с другими геополитическими важными территориями России. Есть два региона — объекта особого внимания Москвы, где она вынуждена решать одновременно несколько стратегических задач: обеспечения безопасности (понимаемой широко — не только во внутри-, но и во внешнеполитическом смысле); установления эффективного контроля над местными элитами и ускоренного экономического развития. Сложные этнические процессы на Северном Кавказе не должны заслонять его типологического сходства с преимущественно русским Дальним Востоком. В статьях *Анатолия Савченко* «Дальний Восток конца XX — начала XXI в. как „зеркало“ системных проблем российского государства» и *Николая Силаева* «„Кавказская специфика“: теоретическое осмысление» читатель обнаружит, что такие разные, на первый взгляд, проблемы, как «выпадение» Северного Кавказа из общероссийского правового поля и крайне скромный результат разнообразных усилий Москвы по развитию Дальнего Востока, имеют в своей основе одну и ту же первопричину — слабую инфраструктурную власть государства. Говоря проще, в обоих случаях мы имеем дело с высокой способностью региональной элиты избегать контроля, трансформировать в своих интересах государственную политику.

Безусловно, охват российских регионов следует расширить: наряду с Дальним Востоком и Кавказом в этот же типологический ряд должен входить и Калининград, а возможно, и примыкающий к Скандинавии Северный экономический район. Тогда мы увидим конкуренцию региональных приоритетов России и факторы, влияющие на выбор того или иного региона в качестве объекта для вливания инвестиций и реализации масштабных государственных программ. Что ещё важнее — мы сможем понять, в какой мере многообразные проблемы, исходящие из этих территорий, формируют современный облик российской системы государственного управления.

Следующее направление исследований — это межстрановые сравнения региональных политик на периферийных территориях. Например, мало кто обращает внимание, что Дальний Восток граничит с перифериями могущественных государств: Северо-Востоком КНР, преф. Хоккайдо (Япония), Аляской (США), — которые представляют собой естественную экспериментальную площадку для изучения стратегий регионального развития.

В данном выпуске рассмотрен пример Северо-Востока КНР. Статьи *Сергея Иванова* «Северо-Восток в региональной политике центрального правительства Китая в 2000—2010-е гг.» и *Ивана Ставрова* «„Возрождение Северо-Восточного Китая“ в программных документах Пекина в начале XXI в.» посвящены анализу мотивации, дискурса и противоречивых устремлений Пекина и региональных властей в ходе принятия и реализации программы экономического развития указанной территории. Учёные нечасто обращаются к исследованиям китайской региональной политики, но что действительно удивит читателя, так это сходство в риторике, как, в общем, и в реальной политике Москвы и Пекина в отношении своих периферийных регионов. Нам остаётся только призвать коллег принять вызов и сделать ответный ход — провести подобное исследование на материалах Дальнего Востока.

Статья *Ильи Чубарова* и *Екатерины Михайловой* «Проблемы преодоления периферийности российско-китайского трансграничья» демонстрирует географический подход к проблеме интеграции Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Авторы показывают, как меняется соотношение демографических показателей этих двух регионов в зависимости от административного уровня, на который мы смотрим: чем ближе к приграничной зоне, тем больше сближаются демографические показатели двух стран.

В статье «Дружба по приказу: советско-китайское приграничье в 1950—1960 гг.» *Серен Урбански* исследует такой малоизученный период в приграничном сотрудничестве России и Китая, как время недолгого сближения двух коммунистических государств (1950-е — первая половина 1960-х гг.). Когда на государственном уровне принимается решение активизировать приграничные связи, это вовсе не значит, что на уровне региональном создаётся соответствующий потенциал. Скорее возникает имитация активности. «Много ли изменилось по прошествии 60 лет?» —

можем спросить мы, исходя из опыта сегодняшних дней. Немецкий исследователь не только поработал в архивах, но и отправился непосредственно «в поле» — в приграничный посёлок Забайкальск — для сбора социологического материала. Статья интересна именно подробностями, описанием повседневной реальности приграничного сотрудничества. Подобные детали сложно найти в исследованиях на данную тему.

Наконец, третьим направлением выступает интеграция эмпирического материала из истории Дальнего Востока с концепциями, созданными на базе изучения других регионов. В этом русле находится статья *Алексея Токарева*, посвящённая непосредственному взаимодействию географии, политики и геополитики, — «Географический фактор территориальной дезинтеграции». Как влияет география на дезинтеграционные тенденции? Вспомним, что тема безопасности и территориальной целостности — одна из ключевых в дальневосточной политике Москвы, а в самом регионе всё ещё не урегулирован вопрос о принадлежности Курильских островов. Поэтому концепция, разработанная *Алексеем Токаревым*, имеет перспективу расширения и уточнения на дальневосточном эмпирическом материале. Хотелось бы, чтобы у дальневосточных историков появилось желание вступить в дискуссию — применить эту концепцию и показать, как она работает (или же не работает) в местных географических условиях.

Региональная история, будучи ценной сама по себе, задаётся тем не менее динамикой систем более высокого порядка и подвержена опосредованному влиянию таких факторов, как геополитическое положение государства и принадлежащей ему периферийной территории, доминирующая идеология, административная мощь центральной власти, уровень доступных Центру и регионам финансовых ресурсов. Поэтому впереди нас ожидает работа по формулировке исследовательской программы, которая позволит произвести «стыковку» истории отдельного региона с историей других регионов России, а также периферийных территорий соседних государств. Начало такой работе в нашем Институте было положено несколько лет назад, её результатом стала книга «Этнокультурные и социально-экономические проблемы освоения смежных территорий Северо-Восточной Азии: российский Дальний Восток, Северо-Восточный Китай, о. Хоккайдо (Япония) (XVII — первая половина XX в.)»¹, но большая часть пути остаётся пока не пройденной. Надеемся, что данный выпуск покажет заинтересованным читателям направления, в которых можно двигаться дальше.

А.Е. Савченко, канд. ист. наук, зам. директора
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

¹ Этнокультурные и социально-экономические проблемы освоения смежных территорий Северо-Восточной Азии: российский Дальний Восток, Северо-Восточный Китай, о. Хоккайдо (Япония) (XVII — первая половина XX в.) / отв. ред. В.Л. Ларин. Владивосток, 2013. 256 с.